

Матушка, заметив наше колебание, улыбнулась: «Если хотите отправиться, берите своих людей. Если нет — не принуждайте себя». Несколько княжон и уездных господ, от природы весёлых и живых, поклонились ей и ушли со свитой. Те же, кто не хотел участвовать, спешились и отправились отдыхать и развлекаться в сторонке. Я же заколебалась — мне-то хотелось, но все охотничьи принадлежности забрал с собой Чжэн Бо. Не было у меня ни ловчих птиц, ни собак, ни лука со стрелами — положение выходило неловкое. Да и охота эта не походила на прежние прогулки с Ли Шэном или Ли Жуем, когда мы просто любовались видами. Только что пронеслась мимо группа всадников — человек, наверное, не меньше тысячи, а ловчих птиц да охотничьих гепардов — несколько десятков. Сунешься в лес, не дай бог, споткнёшься или упадёшь — это ещё пустяки. А вдруг угодишь под чью-то стрелу или тебя ранят чужие псы или соколы? Неприятно же.

Матушка оглядела нас, и взгляд её первым делом упал на меня: «Тайпин хочет?» Она обвела глазами всех нас и равнодушно добавила: «Если хотите — поторопитесь. Опоздаете — вся дичь достанется другим».

Я посмотрела на А-Хуань. Та была при оружии. Заметив мой взгляд, она выехала вперёд и, не слезая с коня, сложила руки в поклоне: «Разрешите отправиться».

Матушка слегка кивнула: «Хорошо». Поскольку у А-Хуань не было слуг-мужчин, та указала отряду гвардейцев сопровождать её. Увидев, что А-Хуань уезжает, я тоже решилась. Глядя на Матушку, я капризно протянула: «Я бы хотела, да лука нет».

Матушка рассмеялась: «Победителю-то лук в награду полагается, а ты ещё и не начинала, а уже у меня выпрашиваешь». Велела выбрать из своих луков один поменьше, подозвала отряд гвардейцев, а затем и группу женщин-воинов. Командиршей их была не кто иная, как Хулюй Добао. Та сильно загорела, стала крепче, и будь лицо чуть круглее — не отличить от тех дюжих телохранителей, что вечно сидят на галерее у палат.

Матушка сама вручила мне лук, сжала мою руку и сказала: «Ты в этом не искушена, постреляй по мелочи. Если встретишь кабана — не геройствуй, лучше обойди. Вы охраняйте принцессу, погуляйте с ней по опушке, в чащу не пускайте. Смотрите в оба».

Увидев такую заботу, я ощутила лёгкую тревогу, но тут же подумала: раз уж она разрешила, значит, ничего страшного. Кивнула, возглавила несколько десятков гвардейцев и поскакала вдогонку за А-Хуань.

Авторская ремарка:

— Государыня, — тихо окликнула её Ванъэр, выводя из дремоты, — время трапезы.

Говоря это, она обошла её сзади и принялась с силой разминать ей плечи.

Девочка и впрямь была смышлёной. Не прошло и месяца, а навык её уже не уступал придворным лекарям, а в умении угадывать настроение и быть услужливой она и вовсе их превзошла. В последнее время, стоило ей почувствовать лёгкую ломоту или усталость, она ленилась звать медиков — сразу приказывала этой малышке послужить.

И малышка в последние дни была необычайно усердна, порой даже чрезмерно. Она не понимала, откуда такая ретивость, ведь сама была занята и не находила времени приласкать приближённых. Несколько придворных, что постоянно при ней, стали служить спустя рукава, а Туаньэр, слышно, и вовсе зазналась. Надо будет после разобраться — нельзя позволять им наглеть и творить всякое, а то ещё навредят её же делам.

Пока она так размышляла, руки Ваньэр уже поднялись от плеч к вискам. Лёгкое нажатие тонких пальцев заставило её с наслаждением прищуриться, но в душе шевельнулась мелкая шалость. Подождав, пока Ваньэр хорошенько помассирует и сонливость отступит, она неспешно произнесла: «Я не приказывала тебе голову массировать».

Ваньэр тут же опустила ниц и тихо молвила: «Виновата».

Вот в чём была разница между этой девочкой и Вэй Туаньэр. Будь на её месте Туаньэр, она бы непременно стала оправдываться. Она и не запрещала другим защищаться, но куда больше ей нравилась такая покорная, безропотная мягкость. Странное дело: Ваньэр отнюдь не была самой преданной или послушной из её служанок. Такие, как А-Цин или Ван Дэ, при первом же упреке тоже падали ниц и каялись, почти не возражая. Но от них веяло лишь «верностью» и «прямотой», но никак не «мягкостью». Порой ей казалось, что слово «мягкость» создано специально для Ваньэр, хотя в глубине души эта девочка, должно быть, не была ни мягкой, ни покорной.

Она незаметно усмехнулась, оперлась на столик и медленно поднялась. Ваньэр по-прежнему неподвижно стояла на коленях. Она остановилась и приказала: «Сначала поешь со мной».

Только тогда Ваньэр склонилась, поднялась и последовала за ней. Гао Яньфу уже распорядился накрыть столы. Увидев её, он тихо хлопнул в ладоши, и евнухи внесли множество ящичков с едой, расставив всё как положено. Взглянув на один из столов, ломившийся от жирных, тяжёлых блюд, она вспомнила недавно услышанные поучения, слегка нахмурилась и отложила только что взятые палочки: «Передай, что в ближайшие дни я соблюдаю пост и вкушаю лишь растительную пищу. Пусть Шаншань больше не подаёт мясного — это всё уберите».

Гао Яньфу без тени волнения поклонился и принял приказ. А вот Ваньэр вдруг подняла на неё взгляд. Она заметила это, слегка склонила голову и приподняла бровь: «Вань-цин хочет что-то сказать?»

Ваньэр опустила голову ещё ниже: «Ответствую Государыне, мне нечего сказать». — Вот тут-то и проявился характер этой малышки. Хотя она и заупрямилась, это было не слишком неприятно. Такие, как А-Цин, совершенно безропотные, хоть и удобны в службе, но уж больно скучны.

Она тихо усмехнулась, откинулась на спинку кресла и совсем непристойно вытянула ноги за пределы циновки: «Неужели?»

Ваньэр уловила скрытый смысл её слов, прижала ладони к полу, а лбом почти коснулась ковра: «Ответствую Государыне, нет».

Произнеся это, сама девочка дёрнулась от изумления, пальцы её непроизвольно сжались, и она снова вжалась в ковёр.

Она тоже на миг опешила, затем с интересом взглянула на Ваньэр и нарочито усилила недовольство в голосе: «В самом деле?»

Ваньэр почуяла её досаду, помедлила мгновение и тоже твёрже повторила: «Ответствую Государыне, мне и вправду нечего сказать».

Тут уж в ней зашевелилось настоящее раздражение. Она взглянула на Ваньэр и бесстрастно бросила: «Ну и хорошо». Но подниматься не разрешила, лишь двинула подбородком в сторону

служанки: «Подавай».

Та, осторожно обойдя Ваньэр, опустилась на колени рядом и начала накладывать ей кушанья. Если минуту назад в зале все лица светились улыбками, то теперь все замерли, боясь дыхания перевести. Ей не нравилась такая атмосфера, и вину за это она возложила на несносную девчонку. Отхлебнув полчашки бульона, она швырнула палочки и поднялась: «На учебный плац».

Гао Яньфу вздрогнул и залепетал: «Государыня, но уже стемнело...»

Она уставилась на старика: «Так зажгите огни!»

Гао Яньфу, бормоча что-то, засуетился, отдавая приказания. В зале поднялась неразбериха: кто-то побежал за луками, кто-то — за стрелами, кто-то — за лошадьми, кто-то — звать тренеров для поло... Сумятица.

Лишь Ваньэр, не получив её приказа, по-прежнему лежала ниц, недвижимая, словно камень.

Досада её лишь росла. Проходя мимо девчонки, она лёгким пинком задела её ногой: «Встань и уйди, здесь только мешаешь». Переодевшись и выйдя на улицу, она ощутила холодный ветер, и гнев немного поутих. Взглянув на Ваньэр, стоявшую на коленях на галерее в тонком одеянии, она нахмурилась, чувствуя себя слегка нелепо. Она — вдовствующая императрица, правительница государства, облечённая высшей властью и почётом, — и вдруг ни с того ни с сего вздумала срываться на этого молокососа. Как это выглядело со стороны? Да и девчонка всё же была ей полезна. Дворец Шанъян стоит над водой, ночи здесь холодные. Если та замёрзнет насмерть, искать замену будет хлопотно.

Она быстро приняла решение и, глядя на Ваньэр сверху вниз, спросила: «Как продвигается обучение верховой езде и стрельбе?»

Ваньэр уже дрожала от холода, но отвечала без суеты, чётко и ясно, коснувшись лбом пола: «Из десяти стрел пять попадают в мишень на двадцати шагах».

Она громко, не скрывая насмешки, фыркнула: «В середине месяца едем во дворец Хэби. Тебе лучше не участвовать — не позорь меня».

<http://bllate.org/book/16278/1467212>